

УДК 930.9

ББК 63.3 (0)

С.А. Шерстюков

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СОСТАВЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВЗГЛЯД ИЗ ТУРЦИИ**

Автор статьи обращается к изучению современной турецкой историографии истории Центральной Азии в составе Российской империи. Преимущественное внимание уделяется тому, как турецкими исследователями описываются причины движения Российской империи в Центральную Азию и особенности имперской политики в регионе.

Ключевые слова: историография, Турция, Центральная Азия, Российская империя.

S.A. Sherstyukov

Altai State University (Barnaul, Russia)

**CENTRAL ASIA AS PART OF THE RUSSIAN EMPIRE:
A VIEW FROM TURKEY**

The objective of this article is analysis point of views modern Turkish scholars on the history of Central Asia within the Russian Empire. The principal attention is paid to how in the Turkish historiography describes the reasons for the movement of the Russian empire in Central Asia and the policy of the tsarist government in the region.

Key words: historiography, Turkey, Central Asia, the Russian Empire.

Турецкие исследователи традиционно уделяли истории Центральной Азии существенное внимание. В этом регионе проживают тюркоязычные народы, которые рассматриваются в Турции как близкие, родственные турецкому народу в культурном, языковом и религиозном отношении (сторонники пантюркизма вообще предпочитают говорить о тюркском мире, в более мягком варианте – сообществе тюркоязычных государств, простирающемся от Адриатики до Великой китайской стены) [1, p. 160]. Распад СССР и появление новых независимых государств в Центральной Азии вызвали в Турции новый виток не только политического, но и академического интереса к данному региону. Подтверждением этого является не только возросшее в последние годы количество публикаций, посвященных истории региона, но и перевод с русского на турецкий язык и издание опубликованных в Советском Союзе и России сборников документов, в частности, по истории русско-казахских отношений [2].

Учитывая обширность (и пока недостаточную изученность) темы имеет смысл очертить некоторые направления изучения истории Центральной Азии в составе Российской империи в современной турецкой историографии и по возможности показать присутствующий в ней спектр оценок российской имперской политики в Центральной Азии.

Турецкий историк Мехмет Сарай в статье «Завоевание Россией Центральной Азии» высказал мысль о необходимости изменить взгляд на историю российской экспансии в Азии, так как западные ученые, изучавшие ее, в основном описывали события с российской точки зрения, но, для того чтобы увидеть истинную картину событий, которые произошли в самом сердце Азии, по его мнению, необходимо взглянуть на эти события и с точки зрения Центральной Азии [3, p. 1].

Трудно не согласиться с необходимостью изучения событий с разных точек зрения, и поэтому интересен взгляд турецких авторов на имперский опыт России в Цент-

ральной Азии, тем более что это не только взгляд извне, но и в какой-то степени взгляд изнутри собственного имперского опыта и представления об общности тюркских народов.

Само понятие «Центральная Азия» относительно недавно – после распада СССР – «получившее прописку» в общественно-политической и научной лексике для обозначения «среднеазиатских» республик бывшего Советского Союза, требует уточнения. Как известно, в разное время в России и Европе за этим обширным регионом, расположенным в центре Евразии, закреплялись разные наименования, в XVIII–XIX вв. – «Бухария», «Туркестан», «Средняя Азия», «Центральная Азия»¹. В советское время в политологической и научной среде утвердилось устойчивое словосочетание «Средняя Азия и Казахстан» [4, с. 12].

Современные турецкие авторы, с одной стороны, и в историческом и в современном контексте используют понятия «Средняя Азия» («Orta Asya»)² и «Туркестан» («Türkistan»), с другой, – исследуя историю отдельных народов региона – названия современных государств: «Казахстан» («Kazakistan»), «Киргизстан» («Kirgizistan»), «Туркменистан» («Türkmenistan»), «Таджикистан» («Tacikistan»), «Узбекистан» («Özbekistan»). Мехмет Юдже, обращаясь в своей статье к этому вопросу, пишет, что после завоевания среднеазиатских тюркских государств Царская Россия, особенно с конца XIX в., в рамках политики ассимиляции заменяет используемые в прошлом важные тюркские географические поня-

¹ Границы региона также определялись по-разному в рамках каждого из этих понятий, хотя некоторые из них иногда рассматривались как тождественные (в частности, понятия «Средняя Азия» и «Центральная Азия»).

² В тюркоязычной литературе иногда можно встретить и другие названия региона – «Merkez Asya» и «Ortalik Asya», которые также переводятся как «Центральная Азия». Понятие «Orta Asya» в зависимости от контекста переводят и как «Центральная Азия», и как «Средняя Азия».

тия на искаженные русские [20, s. 724–725]. В этих условиях, отмечает он, были предприняты усилия, чтобы забыть слово «Туркестан», образованное в результате слияния тюркского слова «тюрк» с персидским окончанием *-стан*, и означающее «родина тюрков» [20, s. 725]. Несмотря на это, подчеркивает Мехмет Юдже, понятие Туркестан сохранилось и в начальный период истории советской России, а советское правительство было вынуждено даже создать «Туркестанскую автономную советскую республику». Однако уже в 1924 г. вместо отмененных понятий «Туркестан» и «Тюркская республика» вводится довольно расплывчатое понятие «Средняя Азия», в то время в научном мире используемое скорее для обозначения Восточного Туркестана, Монголии и Тибета [20, s. 725].

Думается, что не вполне справедливо говорить о стремлении вытеснить понятие «Туркестан» в дореволюционный период, так как оно широко использовалось и в научном, и в общественно-политическом дискурсе Российской империи (достаточно упомянуть Туркестанское генерал-губернаторство, с 1886 г. – Туркестанский край, просуществовавший до Февральской революции 1917 г.).

После 1924 г., с началом процесса национально-территориального размежевания в регионе, слово «Туркестан», действительно, выводится из актуального общественно-политического словаря³, вместо него за регионом закрепляется название «Средняя Азия», применявшееся, как уже отмечалось, и в дореволюционный период.

Россию и Турцию сближает наличие имперского прошлого и опыта строительства государства на обломках империи, на что часто обращают внимание, но нужно отметить и различия исторических траекторий двух государств в XX в.: в результате преобразований Агатюрка Турецкая республика возникает как национальное

³ В то же время оно еще какое-то время используется в научной литературе. Так, в 1927 г. выходит «История культурной жизни Туркестана» В.В. Бартольда.

государство, Советский Союз, если пользоваться определением американского исследователя Терри Мартина – как империя «положительной деятельности» [5]. Другое различие – в том, что Россия, в отличие от Турции, в XX в. дважды прошла через распад империй и воссоздание на новых началах государственности.

В Турции существует серьезная традиция изучения истории России, и, особенно, ее имперского периода. Ряд турецких авторов акцентируют внимание не только на пространственной протяженности и масштабе Российского государства, но и на том, что оно постоянно расширяло свои границы.

В частности, исследователи Сезгин Кайя и Омир Ишйяр в статье «Российский империализм и историческое развитие славянофильской мысли» отмечают, что «одной из отличительных особенностей российской истории является экспансионизм. Начиная с XVI в., – пишут они, – почти все без исключения российские императоры (!) действовали в направлении расширения территории страны» [6, s. 26].

От внимания турецких авторов не ускользнуло то обстоятельство, что значительная часть территорий, вошедших в состав Российского государства, была населена преимущественно тюркскими народами. На это указывал, в частности, известный турецкий историк Акдес Курат, автор книги «История России с древности до 1917 года», впервые изданной в 1948 г. и переизданной в 1987 г. Он полагал, что в целом советские историки недооценивали тюркский фактор (в том числе культурный) в русской истории.

В предисловии своей работы он писал: «Мы должны признать большую роль тюрков в истории России. Московское русское государство и его культурные институты испытали не только византийское, но и монголо-тюркское влияние. Надо помнить о том, что территория Российской империи до 1917 г. на 3/5 состояла из старых тюркских земель, а многие представители московской русской аристократии были

«обрусевшими» потомками монголо-тюрков. В сущности политическая история Московского государства – это история включения в него тюркских земель...» [7, XX–XXI].

В рамках современной турецкой историографии, посвященной изучению истории Центральной Азии в составе Российской империи, можно выделить ряд ключевых проблем и тем.

Турецким исследователям в целом присуще стремление рассмотреть политику России в Центральной Азии в широком историческом и географическом контексте. Особое внимание, по понятным причинам, они уделяют взаимосвязи между политикой России на Ближнем Востоке, Балканах и Кавказе, с одной стороны, и в Центральной Азии – с другой.

В общей историографии темы «Центральная Азия в составе Российской империи» значительная часть работ посвящена начальному периоду движения России в Азию, причинам, отправной точке этого движения, и турецкая историография в данном случае не является исключением.

Часть турецких исследователей считают исходной точкой этого движения эпоху Петра I, упоминая, в частности, предпринятые по инициативе российского правителя экспедицию И.Д. Бухгольца [7, s. 347], военный поход А. Бековича-Черкасского в Хивинское ханство 1714–1717 гг., а также войну с Ираном 1722–1723 гг. и выход России к побережью Каспийского моря [8, s. 57].

Другие обращаются к событиям более раннего времени – упомянутый уже историк Мехмет Сарай писал, что русские начали обратное движение в Азию после того как в 1480 г. закончилось господство татаро-монголов и первым их успехом было завоевание Казани в 1552 г., открывшее им дорогу в Азию [3, p. 2].

Большинство турецких исследователей сходятся в том, что экспансия России в Центральную Азию носила долговременный характер и была обусловлена целым комплексом объективных (военно-

политических, торгово-экономических, культурных) и субъективных причин.

Исследователь Орхан Доган среди причин, обусловивших движение России в Азию, называет стремление Петра I укрепить позиции России на Кавказе, что он хотел сделать, по мнению автора, путем захвата казахстанских степей и Средней Азии. Кроме того, основными мотивами экспансии России в направлении Южной Азии, полагает Доган, являлось желание обеспечить поставки сырья – из Ирана, Средней Азии и Китая – для нарождающейся промышленности, а также специй из Индии, и мечта о развитии торговли по этому пути [9, s. 287–288]. Российские правители, отметил он, начиная с Ивана Грозного, мечтали о Великом шелковом пути, который проходил бы не по территории Османской империи, а по территории России [9, s. 289].

Илмаз Карадениз в своей статье, посвященной борьбе Российской и Британской империй в Иране и Туркестане в 1856–1869 гг., говоря о целях России на Востоке, отмечает, что Россия, с одной стороны, через Туркестан хотела достичь Китая, Афганистана и Индии, с другой – через Грузию и Дагестан стремилась добиться выхода к Босфору и Персидскому заливу [8, s. 54].

Фюсун Кара и Явуз Хайкыр, говоря о продвижении России в Туркестан в первой половине XIX в., отмечают, что это продвижение было результатом долгосрочных планов. «После того как появились коммерческие колонии (России. – С.Ш.) в регионе, были начаты военные приготовления», – пишут они [10, s. 620].

Хайри Тапрац в статье «Господство царской России в Туркестане» приходит к заключению, что в XIX в. в распространении России на юг значимую роль играли культурно-идеологические факторы, а в целом, начиная с Петра I, определяющими были экономические интересы государства [11, s. 56].

Борьба Российской империи с другими державами (Британской, Цинской и Османской империями) за преобладание в Центральной Азии также относится

к числу тем, на которых фокусируется внимание турецких исследователей. Противостояние с другими великими державами рассматривается многими турецкими авторами как основной – или один из основных – мотив движения России в Азию. В частности, данной теме посвящена вышедшая в 2003 г. монография упоминавшегося уже турецкого историка Мехмета Сарая «Соперничество русских, британцев, китайцев и турков в Туркестане» [12].

Отдельно и достаточно подробно изучаются турецкими исследователями перипетии англо-русского соперничества в Центральной Азии в XIX в. [8, 13].

Вполне объясним интерес турецких авторов к изучению того, как складывались и эволюционировали отношения в многоугольнике Российская империя – Османская империя – государственные образования Центральной Азии в условиях включения центральноазиатского региона в политико-административное пространство Российской империи. Мехмет Сарай в своей монографии рассматривает динамику этих отношений на протяжении 100-летнего периода (с 1775 по 1885 г.) [14].

Данный автор высказывает мысль о том, что продвижение России в Азию облегчило нежелание – а позже и невозможность – Османской империи противодействовать этому процессу. Он упоминает предпринятую весной 1569 г. турецкой армией во главе с Касим-пашой попытку прорыть канал между Волгой и Доном, который, по планам турецких властей, должен был предотвратить экспансию России не только в степь, но также на Кавказ и в Крым. Канал не был прорыт, также как провалилась последовавшая осада Астрахани. Турки никогда не сделали второй попытки, замечает он, и в дальнейшем уделяли мало внимания российской экспансии в Азии [3, р. 2].

Турецкие авторы исследуют также российский опыт управления и колонизации Центральной Азии, в том числе образовательную политику России в регионе [15]. Еще одно важное направление исследова-

ний – местные интеллектуальные движения в Центральной Азии, выступавшие за реформы и модернизацию, в частности джадидизм, а также комплекс проблем, связанных с нарождающимися в регионе на рубеже XIX–XX вв. национальными движениями. Естественно, что в рамках данной проблематики пристально изучаются интеллектуальные и культурные связи Центральной Азии с Османской империей [16].

В целом в современной турецкой историографии, так же как и в историографии, существующей на постсоветском пространстве, можно выделить два направления, которые используют разные способы описания прошлого, разные нарративы – имперский и национальный. В рамках имперского нарратива исследовательская оптика сосредоточена на противостоянии империй в Центральной Азии, механизмах выработки и реализации имперской политики в регионе, взаимоотношениях местных элит и имперских властей. В центре национального нарратива находится нация, которая является субъектом истории и ведет практически непрерывающуюся антиколониальную борьбу за свободу. При этом сама категория нации часто не проблематизируется. Нация рассматривается эссенциалистски – как сущность, существующая в веках.

Подобная «национальная» точка зрения на историю Центральной Азии, как отмечают авторы коллективной монографии «Центральная Азия в составе Российской империи», сложилась в СССР, а в 1990-х гг. стала доминирующей [4, с. 12].

В рамках национального нарратива центральное место занимает тема насилия имперской власти по отношению к народам региона и, соответственно, тема антиколониальной борьбы, борьбы за национальное освобождение.

В качестве примера данного подхода можно привести работы турецкого историка Фюсуна Кара [10, 17]. В статье «Колониальная политика России в Кыргызстане» (1852–1917 гг.) автор описывает жизнь киргизов под властью российских имперских

властей как цепь бесконечный страданий, угнетения и ограничения прав, характеризуя колониальную политику России в отношении киргизов как «безжалостную» («acımasız») [17, s. 330]. Оценивая административные преобразования имперских властей в регионе, он пишет, что новый административный порядок противоречил традиционному порядку киргизов. Искусственное разделение территории на волости, по его мнению, было сделано сознательно, для продолжения внутренней вражды и борьбы. По отношению ко всем туркестанским тюркам, в том числе киргизским тюркам, заключает он, была реализована тактика «разделяй и властвуй» [17, s. 331].

В контексте изучения антиколониальной борьбы в Центральной Азии одним из событий, которое вызывает значительный интерес турецких исследователей, является восстание 1916 г. При этом действия российских властей, направленные на подавление восстания, оцениваются рядом турецких, как, впрочем, и киргизских, авторов как геноцид [18]. Упомянутый уже Фюсун Кара, характеризующей это событие как «великое восстание киргизов», отмечает, что, «хотя восстание 1916 г. не привело к успеху, оно имело значительные последствия, так как местные жители приобрели бесценный опыт борьбы за независимость» [17, s. 338].

Значимое место в работах турецких авторов занимает и изучение восстаний казахов и, прежде всего, движения под предводительством Кенесары Касымова. В 2010 г. вышла книга Фатиха Юналя с примечательным названием «Султан Кенесары. Великое восстание в Степи против русского империализма». Ее автор замечает, что первым препятствием на пути реализации проекта Петра I, предполагавшего создание торгового коридора через Центральную Азию

в Индию, была казахская степь, которую следовало подчинить [19, s. 1].

Фюсун Кара и Явуз Хайкыр в статье «Сопrotивление казахов против российской колонизации» так оценивают восстание под руководством Кенесары Касымова: «Если это движение сравнивать с другими, то его в полном смысле можно назвать движением национальной борьбы (за свободу. – С.Ш.) («bir Millî Mücadele hareketi»). Кенесары Касымов сумел поднять на ноги весь Казахстан» [10, s. 624].

Безусловно, опыт присоединения и последующего пребывания Центральной Азии в составе Российской империи, сопровождавшийся структурированием этого пространства, был болезненным для населения региона, принес ему немало бед, но этот опыт не был одномерным, его нельзя свести к насилию и угнетению.

Часть турецких авторов склонны оценивать политику России в Центральной Азии (и других регионах) как некий проект, основы которого были сформированы Петром I и который планомерно и последовательно реализовывался, конечно, с определенными корректировками. Как представляется, если российской политике в Центральной Азии и была присуща долгосрочная стратегия, то она менялась во времени, так же как претерпевали изменения формы и методы политики в отношении региона, и по мере накопления знаний и политико-административного опыта менялось само восприятие региона.

В целом спектр оценок политики Российской империи в Центральной Азии, представленных в современной турецкой историографии, довольно широк, так же как широк и диапазон тем, охватываемых ею, хотя для большего понимания своеобразия турецкой историографии данной темы требуется дальнейшее ее изучение.

Библиографический список

1. Aydın M. Turkey and Central Asia: challenges of change. *Central Asian Survey*. 1996. №15(2). P. 157–177.
2. Doğan O. Türkistan (Orta Asya) Tarihi ile ilgili Belgeler (Belgelerin Özellikleri, Değerlendirilmesi, Önemi ve Özetleri). İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Yayınları, Sosyal Siyaset Konferansları, Prof.Dr. Turan Yazgan'a Armağan Özel Sayısı, 49. Kitap, İstanbul, 2005. S. 709–749.
3. Saray M. The Russian conquest of Central Asian // *Survey* 11. 1982. №1(2/3). S. 1–30.
4. Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.
5. Терри Мартин. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М., 2011.
6. Kaya S., İşyar Ö. Rus yayılcılığı ves lavo-fildüşün cenintarihsel gelişimi // *OAKACilt: 4*, Sayı: 8. 2009. S. 25–49.
7. Kurat A.N. Rus yatarıhi başlangıçtan 1917 'ye kadar. Ankara, 1987.
8. Karadeniz Y. İran ve Türkistan'da İngiliz-Rus Mücadelesi (1856–1869) // *SDÜ Fen Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi Aralık 2009*, Sayı: 20. S. 53–68.
9. Doğan O. Çarlık Rusya'sının Türkistan (Orta asya) siyaseti ile ilgili önemli bir belge // *Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, Sayı, 11. Konya, 2004. S. 287–302.
10. Kara F., Haykır Y. Rus Kolonizasyonuna karşı kazak mukavemeti // *Turkish Studies-International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. 2014. Vol. 9/4 Spring. P. 619–629.
11. Çapraz H. Çarlık Rusya'sının Türkistan'da Hâkimiyet Kurması // *SDÜ Fen Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi Aralık*, 2011, Sayı: 24. S. 51–78.
12. Saray M. The Russian, British, Chinese and Otoman Rivalry in Turkestan. T.T.K, Ankara, 2003.
13. Çetin H. 1863–1873 Döneminde Orta Asya'da Rus-İngiliz Rekabeti // *Bilig* 15, Güz. 2000. №1-11. S. 1–11.
14. Saray M. Rus işgali Devrinde Osmanlı Devletiyle Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875). T.T.K. Yay., Ankara, 1994.
15. Ekrem A. Ibray Altansarin ve Nikolay İvanoviç İlminski'nin kazak eğitim sistemine etkileri // *Turkish Studies International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. Fall 2008. Vol. 3/7. S. 125–135.
16. Orta Asya Türk tarihi / Editör Prof. Dr. Ahmet Kanlıdere. Eskişehir, 2011.
17. Kara F. Rusya'nın Kırgızistan'daki koloni siyaseti (1852–1917) // *Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi Fırat University Journal of Social Science Cilt: 17*, Sayı: 2 Sayfa: 329–340, ELAZIĞ-2007.
18. Kodoman B. Causes of the Urkun: The Genocide of 1916 // *SDU Faculty of Arts and Sciences Journal of Social Sciences*. 2012. №26. P. 21–26.
19. Ünal F. Sultan Kenesarı. Rus Emperyalizmine Karşı Stepte Büyük Başkaldırı, İstanbul, 2010. 286 p.
20. Yüce M. Ortalık Asya devletler birliği fikrinin tarihsel gelişimi ve gerçekleştirilme // *Социальные, политические, экономические поиски в среднеазиатских обществах: мат. междунар. науч. конф. Коджаэли*, 2009. С. 724–740.